
ЮБИЛЕИ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
ANNIVERSARIES AND MEMORABLE DATES

Владимир Кудрявцев

Вершины Вадима Петровского
(к юбилею психолога)

Однажды юноша весьма нежного возраста, почти ребенок, задался удивительным, совсем не детским вопросом. Он смотрел на горную вершину и размышлял: *в чем моя свобода?* В том, чтобы, преодолев страх (при отсутствии элементарных альпинистских навыков), сделать попытку и взобраться? Или все-таки обуздать в себе стремление подняться к манящей высоте. Заметьте: вопрос состоял не в том, что сильнее — страх или стремление покорить вершину? А — в чем свобода? Иной раз «героизма» для того, чтобы остаться внизу, нужно не меньше, чем для того, чтобы карабкаться по горным откосам. Такова природа человека.

Юношу, который, по сути, поставил «центральную проблему психологии» (Л.С. Выготский, в «Записных книжках») звали Вадим Петровский.

Сегодня профессор Вадим Артурович Петровский, выдающийся психолог и непревзойденный парадоксалист в психологии, мой добрый друг отмечает свое 70-летие.

А вершина — не гора. И уж тем более — не «потолок» твоих возможностей. Сейчас принято просчитывать риски. В определенных границах это необходимо и «работает». В сфере безопасности, к примеру. Эти риски буквально «написаны» на пограничных столбах и заборах. Но даже предостережения, указывающие на эти риски, не всегда останавливают человека. «Осторожно! Злая собака!». А вдруг — добрая? Да и бывает, за забором никакой собаки вовсе нет. Так повесили, для острастки.

Но В.А. Петровский смолodu изучает не те риски, которые прячутся за «забором». Его всегда интересовал самый главный риск — *риск смещения границы и его мотив, бескорыстный, вне привязки к утилитарному интересу*. И это уже не специально психологическая, а фундаментальная теоретико-антропологическая проблема. Ее анализ позволяет ответить сразу на два вопроса: о том, зачем нужна граница, и о том, какие возможности человеческого действия открываются, когда ее смещают.

Был такой эксперимент. Взрослый (психолог) перегораживал комнату стульями. На одной стороне дети-дошкольники могут катать мячик, как хотят, но при одном условии — он не должен закатиться на другую сторону. И вот отдельные малыши, то «случайно упускают» мячик за черту, то «не нарочно» задевают и сдвигают стулья на «запретную» территорию. Тут игра. Дети ничего не узнают о границе, которая просто игровая условность. Но зато сами изобретают некоторые хитроумные приемы действия на «границе». Хотя как «не узнают» о границе? Закатившийся мячик — уже сам по себе сдвинутая ребенком граница, при том, что все стулья — на месте. Просто стулья? Условная социальная норма в виде ряда стульев. Просто укатившийся мячик? Эксперимент с нормой и... со своей свободой в отношении нее. Тут — как с горой. Что легче — попробовать или удержать себя от пробы? Пробы возможностей.

Именно это — проба, эксперимент с собственными возможностями, мотивирует, по В.А. Петровскому, на риск. Не на тот, что можно наперед просчитать. С исходом, который не предрешаем. Как и любые феномены *личности*, которым посвящены замечательные книги и статьи Вадима Артуровича.

Для цитаты: Кудрявцев В.Т. Вершины Вадима Петровского // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 109–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160411>

For citation: Kudryavtsev V.T. The Great Achievements of Vadim Petrovsky. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 109–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160411>

Ну, а личность, пробуя, экспериментируя, рискуя, продлевает себя. Личность длит себя в своих отражениях — зеркальных и зазеркальных («отраженная субъектность», по В.А. Петровскому). Только зеркала — всегда живые, да и в зазеркальях кипит жизнь, которая, в свою очередь, длит себя в отражаемой личности. Попробуйте поймать личность — она одновременно перед зеркалом, в нем и за... Ловец личности В.А. Петровский сродни ловцу редчайшей жемчужины.

Сложную конструкцию Вадима Петровского можно проиллюстрировать на простом примере, который он сам приводит. Вадим пишет, что улыбка — это своего рода возвращенный дар. Поначалу маленький ребенок «улыбается» непроизвольно, можно сказать, «самопроизвольно». Но взрослый прочитывает в «моторике мелких мышц лица» малыша экспрессию — улыбку и как бы подхватывает ее, улыбаясь в ответ. Улыбка возвращается малышу. И позже становится пропуском в его внутренний мир, который он выдает другим людям. С разными степенями доступа. Иногда — разовым, иногда — постоянным. И человек улыбается большому миру улыбкой разных людей, которые сошлись в его собственной.

В том числе улыбками тех, кого уже нет рядом, но продолжают улыбаться твоей. Вадим Петровский однажды прекрасно написал о своем отце и учителе Артуре Владимировиче Петровском: он не только живет, но и молодеет во мне... Молодеет и, конечно, улыбается улыбкой молодости.

Долгой и доброй молодой улыбки тебе, Друг!

А вершины, которые можешь осилить только ты, — всегда в тебе.

Владимир Кудрявцев